
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

В. Н. Матарас

Вопрос о становлении ВКЛ остается довольно сложным, запутанным и политически ангажированным. История происхождения ВКЛ рассматривается в исторической литературе с различных точек зрения, объясняя по-разному процесс происхождения этого государства и его этническую составляющую. Недостаток многочисленных исследований, по нашему мнению, состоит в том, что исследователи использовали статический подход, а мы сделаем попытку использовать динамический, когда процессы во времени идут постоянно и даже не всегда заметны для современника. В результате реальные события и факты, действительно имевшие место, часто подменялись надуманными теоретическими конструкциями и безосновательными гипотезами, отражающими политические притязания той или другой стороны.

Как можно понять эти процессы? Мы сделаем попытку понять процесс происхождения государства Великого Княжества Литовского, применив современную постановку вопроса и современную систему взглядов в науке путем анализа этнической и социальной систем, а также путем применения не синхронистического, а диахронистического способа сравнения этносов по возрасту. Для этого потребуются применение методики «крутящейся линзы», когда предмет исследования рассматривается с различных высот по вертикали и одновременно исследуется исторический фон по горизонтали.

Анализ научных текстов исследований по данной проблеме позволяет выяснить следующее. Так В. Т. Пашуто утверждает, что Великое Княжество Литовское создавалось в результате социально-экономических процессов, происходивших среди литовских племен. А подчинение собственно «белорусских» (Древней Руси) земель происходило путем захвата, семейных связей, договоров и т. д. [20, с. 7–9]. Не возражая против второго довода, с первым вряд ли можно согласиться. Социально-экономическое положение было значительно лучше у того же Полоцкого или Турово-Пинского княжества, однако не они, а литовцы перехватили инициативу создания государства. По мнению Э. Гудавичюса, в литовских землях социально-экономические процессы находились на примитивном уровне товаро-обменных отношений, отсутствовало даже феодальное землевладение [4, с. 89].

При этом статус Полоцкого княжества после 1132 г. рассматривается в статике как постоянный до и после указанной даты. А такой памятник права Древней Руси, как «Русская Правда», в рассматриваемых исследованиях [14, с. 10] становится достоянием того или иного княжества – Киевского или Полоцкого, – а не целой, более крупной этнокультурной системы, такой как Древняя Русь. В результате процессы, происходившие в Полоцком или Туровском княжествах, рассматриваются как отдельные процессы, и их история выхватывается из общего контекста истории Древней Руси.

Между тем процессы этнические, социальные, экономические и культурные шли одинаково во всех княжествах Древней Руси, что указывает на их схожесть. К тому же социально-экономическое положение к XIII в. если и изменилось в Древней Руси, то в худшую сторону, так как происходит запустение некоторых земель центральной части Древней Руси. Добавим к этому постоянные междоусобицы и раздоры между князьями. Тем не менее ряд авторов автоматически транспонируют положение княжеств как в этническом, так и в социальном плане с X–XII вв. на XIII–XIV вв., что, на наш взгляд, некорректно, так как эти процессы находятся не в статике, а в динамике [14, с. 10–12]. К тому же история текстов и институтов имеет свою логику создания и изучения, а история реальных деяний – свою, которая не отражается в текстах. И рассматривать их в отрыве бессмысленно, так как изучение положений памятника права ничего не дает без изучения общего исторического фона и истории реальных событий.

В. Игнатовский считает, что причина – в агрессии крестоносцев с запада и с востока татар [11, с. 190]. Тезис фактически неверен. Поход Батыя на Русь начался в 1235 г. и не задел литовские земли. Только в 1237 г. рыцари-монахи двух орденов – Тевтонского и Меченосцев – объединившись, создали Ливонский орден, который начал наступление на Прибалтику. А ведь князь Литовской земли Миндовг объединил часть земель литовских племен и стал Великим князем Литовского государства уже в 1236 г. [16, с. 22]. С теорией вызова А. Дж. Тойнби соглашается и литовский исследователь Э. Гудавичюс [4, с. 73]. Непонятно только, почему тогда эта агрессия не подняла к государственному образованию племена ливов или эстов?

По мнению Н. Ермоловича, Литва – одно из исторических мест Беларуси [10, с. 49]. И собственно Беларусь создавала государство, дав ему название одной из своих областей. Согласимся, что древнелитовские (балтские) племена действительно были на территории Прибалтики и Беларуси, но, как правильно отмечает А. Рогалев, к XII в. древнелитовские племена на территории Беларуси были или уничтожены, или ассимилированы восточными славянами [23, с. 104–110]. Кроме того, литовцы были язычниками, а наследники Древней Руси – православными. Допустить, что на территории православного Полоцкого княжества возникла популяция людей,

проявляющих воинственность и исповедующих язычество, – серьезное противоречие.

В 1235 г. русский летописец упомянул о «Литве Миндовга» [4, с. 46]. Совет при Миндовге составили: Лянгвенис, Парбус, Бикшис, Лигейкас, Бунис, Гердянис [4, с. 47]. Имена говорят сами за себя. Миндовг владел южной частью Литвы с центром в замке Ворута. В 40-х гг. XIII в. Литовское государство включило в свой состав Новогрудок, Слоним и Волковыск. В Новогрудке обосновался старший сын Миндовга Войшелк.

Этническая система всегда дискретна. Когда этнос заканчивает свой деятельный жизненный цикл, он переходит в статику, т. е. в состояние покоя и равновесия с природной средой. В таком положении он не способен на сопротивление, и он либо ассимилируется более молодыми соседями вследствие комплиментарного симбиоза или становится их же жертвой. Таковыми для балтов были племена восточных славян. Автор переносит историю фактов VIII–IX вв. на XIV в., рассматривая этническую систему в статике, а не в динамике.

Пассионарный толчок, считает Л. Н. Гумилев, поднял в XIII в. к исторической жизни литовские племена [5, с. 547]. Современная наука пока еще не способна дать однозначный ответ на действительные причины энергетических всплесков, хотя факт таких периодически возникающих пассионарных напряжений налицо. А появление энергичных и волевых людей среди литовцев – факт вне всякого сомнения [6, с. 23]. Именно пассионарные литовские князья Гедимин, Кейстут, Ольгерд, Витовт расширили литовское государство за счет княжеств Полоцкого, Витебского, Минского, Турово-Пинского и др. [21, с. 133]. Имена, как мы видим, явно не славянские, т. е. не населения Древней Руси.

Нельзя отрицать, что княжества Древней Руси являлись значительно богаче и культурнее литовцев [19, с. 27]. Но если рассматривать эти процессы с точки зрения динамики этнических и социальных процессов, то получается, что население княжеств Древней Руси в XII–XIII вв. постепенно превращается в тихих обывателей, неспособных к сопротивлению, а процессы дезинтеграции идут спонтанно и неуправляемо. Армии стали в пять раз больше, но встречи с противниками не выдерживали, что говорит о том, что качественный элемент заменился на количественный.

Полоцкое княжество в 1132 г. перестало посылать дань в Киев, точно также в 1135 г. сделал и Новгород, что в политической терминологии XII в. означало «объявляю себя суверенным и независимым», а дальше процесс пошел по своим закономерностям. Во всех княжествах идет процесс дезинтеграции и упадка. Казалось, что это зависит от воли отдельных князей, которые желали управлять сами, но нет, все княжества Древней Руси начинают дробиться на более мелкие, что указывает на схожесть процессов в

одном географическом регионе. Этот процесс разложения, шедший вначале в этнической системе (т. е. природной), взорвал как скорлупу социальную систему, т. е. государство. К моменту похода хана Бату на Русь уже насчитывалось около трехсот полугосударств-княжеств, которые вели себя как пауки в банке даже несмотря на военную угрозу.

Литовский этнос в XIII–XIV вв. был на подъеме, т. е. был более молодым и энергичным. Уже с 80-х гг. XII в. летописцы отмечают набеги литовских дружин на Древнюю Русь. А корреляция в социальную систему предполагает следующее. Вначале происходит процесс создания конфедерации земель Литвы, затем их союз в 1219 г., возглавляемый князьями Аукштайтии [20, с. 365], и, наконец, объединение в одно государство под началом Миндовга. Далее идет процесс превращения Литовского государства в Великое Княжество Литовское.

Собственно этот процесс проходили и проходят все народы. В молодости они энергичны и неукратимы, проявляют экспансию, достигают благородной старости, т. е. максимальной активности и территориального расширения, и «умирают» (т. е. после упадка и разложения переходят в статику) [9, с. 74]. Само деление народов на диких и культурных, умных и глупых появляется только в воображении тех авторов, которые используют синхронистическую шкалу времени, сравнивая народы и культуры в одном историческом времени без учета их возраста, что, на наш взгляд, не является наукой и бессмысленно, так как неполноценных народов нет. Но если сравнивать их одновременно, то создается иллюзия, что одни умные и культурные, другие – дикие и варварские [25, с. 264–265].

Как всякая этническая система, литовская, будучи на подъеме, нуждалась в выборе новой системы запретов и дозволений, т. е. в культуре, поскольку старая (языческая) уже не удовлетворяет, а выбор был невелик: православие или католичество.

На события выбора веры оказывали влияние и политические события. В 1321 г. «Король Литвы и Руси» [19, с. 22], Гедимин разбил коалицию русских князей и взял Киев. А так как русские князья всегда обращались за помощью к Золотой Орде [24, с. 31–32], Гедимин решил уравновесить расстановку политических сил и дал согласие на переход Литвы в католичество [24, с. 26]. В 1322 г. Гедимин отослал Папе Иоану XXII письмо, в котором изъяснил концепцию принятия католической веры. В результате часть литовцев, к тому времени уже воспринявшая культуру покоренной Древней Руси, стала православной, а часть была втянута в систему католического мира. Это уравновесило две системы, но не принесло окончательной победы.

Необходимо также признать, что объединение Литвы и Древней Руси усложнило и укрепило систему тем, что природная воинственность литовцев была соединена с культурой Древней Руси, что пошло на пользу и тем

и другим. Но с Ягайлы литовская Русь меняет свою религиозную направленность. А смена религии по тем временам означала смену политической ориентации. В результате в социальную систему, т. е. в государство, как в коммунальную квартиру были втиснуты две различные этнокультурные системы, только литовцы были на подъеме, а славяне Древней Руси на спаде. А на таком уровне системы уже не объединяются, а сосуществуют рядом. Это предопределило судьбу Литвы и Руси.

Причем все православное население в ВКЛ называло себя русским. «При этом русские, жившие в русском государстве, четко отделялись от русских, живших в Литве, и назывались российские» [7, с. 244], что указывало на возрастающее в силу фактора времени этническое несходство. В Латинских грамотах Папы Римского Гедимин называется «Rex Lituinorum Ruthenorumgue» – царь Литовской Руси [22, с. 125]. Также именуют себя и великие князья государства Литовского в своих законодательных актах: «Мы ... Великий князь Литовского, Русского, Жемайтского и т. д.» [18, с. 1]. Упоминание «русский» в титуловании князя – это население и территория от Полоцка до Турова, Пинска и Киева [4, с. 196]. К концу XVIII в. различия двух этносов проявилось в названиях, которые они получили: белорусы и великороссы. А этнос великороссов менее всего имеет отношение к Древней Руси. Они обновились за счет угро-финских племен и волжских татар [5, с. 546]. Как этнос они «относятся к древним русичам, как французы к галлам или итальянцы эпохи Возрождения к римлянам времен Калигулы, а “запустение” и “иго” – это водораздел между двумя этногенезами» [5, с. 350].

Для современников Литовского государства «литвин» воспринималось как общее наименование жителей Литвы, но сами подданные этого государства ни на минуту не сомневались в своей этнической принадлежности: в том, кто литовец, а кто русский. На первоначальном этапе казалось, что два этноса сольются и будут выступать как один народ. Но выбор религии приостановил этот процесс.

Так образовалась могучая держава с литовской династией (отсюда и название государства), с преимущественно русским населением и причудливой смесью западной и древнерусской культур [5, с. 585]. Литовцы являлись государственно-образующим этносом.

Необходимо также учитывать, что литовцы XIV в. относятся к балтским племенам VIII в., как великороссы к славянам Древней Руси. Название литовцы (литвины) указывает на подданного ВКЛ, а не на принадлежность к этносу. Само Великое Княжество Литовское было полиэтнично [13, с. 60]. А государство – институт социальный, а не этнический, следовательно, система отсчета в этносе и социальной системе различаются. Если этническая система всегда дискретна, уже закончила свое динамическое существование, т. е. переходит в статику, то социальная, т. е. государствен-

ные институты, могут по инерции существовать, приобретая иные смысловые и сущностные оттенки.

Центральная власть в литовском государстве принадлежала Великому князю (Господарю), который брал на себя важнейшие государственные функции бывших удельных князей, а большую часть власти, которую они осуществляли, предоставил стольным городам бывших удельных княжеств, своим наместникам, вставшим на место удельных князей. С образованием власти появляется ведущий слой, который первоначально состоял из собственно литовцев, но постепенно втягивал как магнит самую пассионарную часть элиты княжеств Древней Руси. Как утверждает С. Г. Пушкарев, основные начала государственного строя, выразившегося в непосредственной зависимости наместников этих земель от князей, без всяких иерархически подчиненных отношений между самими областными правителями, строго держались еще некоторое время в ВКЛ и после упразднения в нем бывших княжеских уделов [22, с. 127].

Этому способствовало и то, что в ВКЛ исстари удерживалась административная обособленность «грамотчиков» – крупных землевладельцев, подчинявшихся непосредственно суду и наряду князя. В частности, в Киевской уставной грамоте отмечалось, что «основные или начальные» грамоты Витовта и Казимира Ягайловича в своих статьях гарантируют территориальную целостность и монопольное право местного боярства «держать» в ней волости и занимать административные должности («уряды») [1, с. 30–36; 15, с. 54]. Дальнейшее расширение и развитие вотчинной системы происходило уже главным образом на основе господарского пожалования [24, с. 75].

Эта обособленность земли в ВКЛ приняла позже польскую форму исключительной сословной привилегии местной поземельной шляхты [15, с. 36–90], тогда как в Московской Руси административная обособленность старых «грамотчиков» стала позже проникаться началами монгольского «тарханства» – служебно-тяглового и административного подчинения тарханщиков непосредственно управлению московских государей как наследников Золотой Орды. Литовско-русское право знало в этом отношении только систему взаимных распоряжений и поручений Великого князя по отдельным административно-судебным делам. Насколько нам известно, управление Литвы в XIV в. отличалось широкой децентрализацией.

С 1385 г., после Кревской унии, началось устойчивое сближение ВКЛ с западноевропейской Польшей. А Польша с 1320 г. (с коронации Владислава Локетка) была на подъеме и оказывала постоянное давление на восточных соседей. Поход на Запад, предполагал, соответственно, сближение Польши и Литвы. В 1386 г. Ягайло принял католичество, женился на Ядвиге и стал королем Польским под именем Владислава. Перед этим Ягайло выдал в Крево польским послам обязательство не только самому принять католичество, но и обратить в католическую веру своих подданных. Начало

было положено привилеем от 17 февраля 1387 г. и привилеем от 22 февраля 1385 г., который запрещал католикам брак с православными, а в смешанных семьях предписывал принять католичество [4, с. 170], и Городельским привилеем 1413 г., в котором перечислялись льготы и преимущества, обещанные лицам, принявшим католическую веру [26, с. 39]. Литовские аристократы получали все права и привилегии, которыми пользовалась аристократия польская, однако лишь в том случае, если они были католиками, а не схизматиками (т. е. православными).

«При этом каждый: русский человек (Древней Руси. – *В. М.*) мог выбирать ту культуру, которая ему больше подходила: западную, католическую, или восточную – православную» [5, с. 527]. Ни у тех, ни у других доминанту поведения не определяли выгоды или политическая интрига. Подавляющее большинство верующих не разбирается в религиозных догматических спорах. Они выбирают тот ее вариант, который отвечает их психологическому настрою (т. е. подсознательному влечению к красоте и справедливости) [9, с. 85]: «Их нельзя переубедить логическими аргументами, которые им непонятны; приказ начальства они игнорируют, оставаясь при своем, т. е. при том, что им кажется верным без доказательств» [5, с. 552]. Так как данное влечение находится в сфере подсознания.

Тенденция, означавшая по сути непризнание за частью населения Литвы политических и гражданских прав, с некоторыми перерывами продолжалась, начиная с Кревской унии, когда «верным сынам католической церкви» были противопоставлены «схизматики» – православные и «язычники» – русские и литовцы [24, с. 31–33], до конца XVIII в. Религиозные гонения усилились после появления в Литве иезуитов и подписания Берестейской церковной унии 1596 г. и особенно в XVI–XVIII вв., когда католическая реакция поставила перед частью населения ВКЛ выбор «либо потерю ... свободы, либо совести, т. е. вероисповедания» [8, с. 49].

Позже такие российские историки, как П. Н. Батюшков, М. О. Коялович, считали, что причина ограничения прав православного населения лежит в религиозных разногласиях [2, с. 126; 12, с. 205]. Такой же точки зрения придерживается и белорусский правовед И. А. Юхо [27, с. 90]. Другие (М. Ф. Владимирский-Буданов, И. А. Малиновский) видят причину этого явления в экономических или личных разногласиях, в спорах об имущественных правах [3, с. 46; 18, с. 57]. По нашему мнению, данные точки зрения не совсем верны.

После Реформации в ВКЛ появилось много протестантов, а род Радзивиллов почти весь был протестантским. Как утверждает И. Малиновский, по свидетельству одного современника литвина, некоторое время в Раде «кроме двух католических бискупов едва ли кто был истинным католиком» [18, с. 57]. И тем не менее это не вызывало такого негативного отношения к ним, как к православным.

Исследуя экономические отношения, мы находим, что среди православных были такие видные деятели, как, например, князь Острожский, имевшие довольно большое состояние и занимавшие высокое место в иерархии власти. А так называемая застенковая католическая шляхта сама пахала землю наравне со своими «холопами» и наследниками Древней Руси (белорусскими крестьянами). Однако в отличие от православных она никогда не преследовалась и не поднимала восстаний.

Более убедительна, на наш взгляд, точка зрения русского историка Л. Н. Гумилева, который считает, что в данном случае под религиозными разногласиями скрывались два противоречивых этнокультурных мироощущения различных этнических систем [7, с. 244]. С конца XVI в. восстания православного населения следовали одно за другим, а правительство Речи Посполитой, находясь в очень тяжелом государственном положении, упорно не решало проблем части населения Литвы. Следовательно, это различие было так велико, что превышало доводы политической целесообразности. «Вход» в Европу сделал население бывшей Древней Руси (будущих белорусов) населением второго сорта и не принес счастья, несмотря на обилие законов.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1848. – Т. 2. – 405 с.
2. *Батюшков, П. К.* Белоруссия и Литва: исторические судьбы Северо-Западного края / П. К. Батюшков. – СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1890. – 376 с.
3. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. – СПб., 1868. – 307 с.
4. *Гудавичюс, Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 г. / Э. Гудавичюс. – М.: Фонд имени И. Д. Сытина, 2005. – 679 с.
5. *Гумилев, Л. Н.* География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 278 с.
6. *Гумилев, Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1989. – 765 с.
7. *Гумилев, Л. Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – СПб.: Изд. группа «Прогресс», 1992. – 335 с.
8. *Гумилев, Л. Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2007. – 607 с.
9. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
10. *Ермаловіч, М. І.* Па слядах аднаго міфа / М. І. Ермаловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 98 с.
11. *Ігнатоўскі, У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – Мінск, 1991. – 184 с.
12. *Коялович, М. О.* Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. – М.: Тип. Бахметьева, 1864. – 394 с.

13. *Кругалевич, В. А.* На путях самоопределения БНР–БССР–РБ / В. А. Кругалевич. – Минск: Право и экономика, 1995. – 139 с.
14. *Кузнецов, И. Н.* История государства и права Беларуси / И. Н. Кузнецов, В. А. Шелкопяс. – Минск: Дикта, 1999. – 271 с.
15. *Леонтович, Ф. И.* К истории административного строя Литовского государства / Ф. И. Леонтович. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1899. – 104 с.
16. Литва: краткая энциклопедия. – Вильнюс: Гл. ред. энцикл. ЛитССР, 1989. – 672 с.
17. *Любавский, М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М. К. Любавский. – М., 1892. – 884 с.
18. *Малиновский, И. А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней Руси / И. А. Малиновский. – Томск: Тип. П. И. Макушина, 1903. – Ч. 1. – 132 с.
19. *Пацудо, В. Т.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В. Т. Пацудо, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1982. – 263 с.
20. *Пацудо, В. Т.* Образование Литовского государства / В. Т. Пацудо. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 659 с.
21. *Платонов, С. Ф.* Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. – Пг.: Сенат. типогр., 1915. – 743 с.
22. *Пушкарев, С. Г.* Обзор русской истории / С. Г. Пушкарев. – М.: Наука, 1991. – 389 с.
23. *Рогалев, А. Ф.* Белая Русь и белорусы (в поисках истоков) / А. Ф. Рогалев. – Гомель: Бел агентство нуч.-техн. и дел. информации, 1994. – 266 с.
24. *Шабельдо, Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев: Наук. думка, 1987. – 181 с.
25. *Шпенглер, О.* Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – 663 с.
26. *Юхо, И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. – Минск: БГУ, 1978. – 141 с.
27. *Юхо, Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Минск: Университетское, 1992. – 270 с.